

1. ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга посвящается Ирише, которая по-прежнему верит в чудеса, а главное, знает, как их делать.

Ой-ой-ой, елки-метелки! Привет, дружище. У тебя в руках моя третья книга. Она, как это тебе ни могло бы показаться странным, содержит в себе лучшие главы из двух моих предыдущих книг, плюс мы вставили сюда несколько еще нигде не публиковавшихся историй. Эта книга, как и обе предыдущие, написана друзьями и для друзей доброй сказки под названием «Король и Шут». Поэтому читать ее следует с открытым сердцем. Мне, как одному из основателей группы, будет чрезвычайно приятно максимально полно и правдиво рассказать о своей жизни, жизни группы, истории создания песен и различных веселых и волшебных приключениях, случившихся со мной и моими друзьями. Где-то будет весело, где-то грустно, где-то безумная волна фантазии поднимет нас вверх, и мы увидим, что реальность еще более удивительна и непознаваема, чем любые придумки. А главное, я обращаюсь к тебе, дорогой читатель, к твоей фантазии, юмору и воображению! Надеюсь, все это проснется в тебе во время прочтения книги, и ты... ну, что-нибудь сделаешь. Неважно что. Важно сделать и не смотреть назад. Так что смелее в Путь!

Скажу только, что на некоторых страницах этой книги ты можешь заметить матерные слова. Видит Кот, я пытался их все выкинуть! Но из дятла дупла не выдавишь. И из песни коня не вытащишь. А если и вытащишь... Вот и мы ничего выкидывать не будем, а будем из этих слов, как из кирпичиков, складывать нашу историю. А к родителям детей, которые будут читать главы с неприличными словами, просьба их перелистывать.

А вообще я очень счастлив оттого, что мы с вами снова вместе с нашей доброй сказкой под названием «Король и Шут», пусть и на страницах книг. Мы-то знаем, что настоящее волшебство происходит не в носителе сказки, а в головах слушателей.

Огромнейшее и искреннейшее спасибо всем друзьям, родным и близким, всем тем, кто помогал мне в написании, осмыслении и изготовлении книг. Без вас, ребята, не было бы ничего. Низкий поклон вам всем.

Андрею Князеву, Ольге Горшеневой, Сашеньке Горшеневой, Алексею Горшеневу, Татьяне Ивановне Горшеневой, Марии Нефедовой, Сергею Захарову, Ирине Косиновской, Дмитрию Журавлеву, Наталье Рощиной, Артему Сочейкину, Дмитрию Быстрицкому, Насте Рогожниковой, Кате Марсовой, Наташе Чумаковой, Любе Семеновой, Александре Настальской, Екатерине Евсюковой, Анастасии Гусевой, Ирине Девяткиной, Михаилу Лапису, Гоше Таирову, Агате Нигровской, Вилли Пудовкину, Алексею Деги, Раисе Ефимовой, Людмиле Филимоновой, Юрию Герасимову, Ольге Четвериковой, Татьяне Михалиной, Татьяне Валентиновне Балуновой, Кириллу и Василию Балуновым, Ирине Андронати, Борису Фомичеву, Инне Демидовой, Александру «Чаче» Иванову, Диане Арбениной, Андрею Лазарчуку, Михаилу Успенскому, Нелли Раткевич, Сергею Чигракову, Дмитрию Спирину, Илье «Маррадеру» Никитину, Игорю Юзову, Асе Гайрабековой, Кате Огурцовой, Вахтангу Махаразде, семье Меньшуткиных, Ярославу Гашеку.

Отдельное и не менее искреннее спасибо всем вам, всем тем, кто держит в руках эту книгу, и всем тем, кто любит группу «Король и Шут», без вас тоже ничего бы не было!

И конечно же, спасибо тебе, мой старый друг. Спасибо тебе, Мишка, сам знаешь за что.

P.S. Новости и дополнительная информация в real time о книге будут здесь:

[HTTP://BALU.KROOGI.COM/OTHER](http://balu.kroogi.com/other)

КОРОЛЬ И ШУТ
Александр «Балу» Балунов

2. ДЕЛО БЫЛО НА РЖЕВКЕ

*Хочешь, я тебе спою?
Хочешь, сказку расскажу?
Я давно тебя люблю.
Хочешь, я тебя убью?*

Александр «Балу» Балунов

На самом деле жизнь моя похожа на жизнь Гарри Поттера, мальчика из книжки. Меня всегда оберегала материнская любовь, и злу тяжело было пробиться к моему сердцу. Оглядываясь назад, то же самое могу сказать и о Горшке. У нас волшебные мамы.

Привет, дружище! Я расскажу тебе немного о себе, своей жизни и своих друзьях. Для удобства повествования всех персонажей я буду называть так, как они известны широкой публике. Например, Мишку Горшенева ни в школе, ни потом никто Горшком не называл. Он придумал называть себя Горшком значительно позже и представлялся так незнакомым людям, а друзья из школы называли его Гаврилой. Так я назвал его в честь одного доброго персонажа из книжки, названия которой не помню. Поручика назвали так в честь поручика Ржевского из популярного анекдота, и в школе он на это обижался. Меня же сначала тоже не звали Балу. Это придумал Шумный, которого так и будем называть, хотя по-настоящему зовут его Дима Журавлев. На обложке первого официального альбома («Камнем по голове») он рядом с моим именем написал: «Балу». До сих пор не знаю почему. Зато в дальнейшем я понял, что в этом есть свои преимущества: если кто звал меня по имени, то это, значит, старый знакомый, а если кто звал меня Балу, то человек явно со мной не знаком, а просто прочитал имя на обложке.

Теперь-то меня все так называют, и я привык. Одним словом, оставим имена такими, к каким привыкло большинство.

3. НАЧАЛО, 1987

А началось все с писем: «Дорогой мой, единственный, на одного тебя надежда, и в тебе одном вижу я спасение! Только ты можешь спасти меня и наше королевство...»

Именно такими были первые слова книжки, которую я начал писать в шестом классе. Она рассказывала о том, как главный герой получал странные письма от неизвестной ему принцессы из сказочного королевства, потом случайно туда попал, и пошло-поехало. И все это в то время, когда каких-либо книг в жанре фэнтези и фантастики про параллельные миры в СССР почти не продавалось. Максимум, что можно было достать, — это Жюль Верн и Стругацкие. Впрочем, книга эта так и не была дописана, я даже до середины не добрался. Но это и неважно. Важно то, что благодаря этой книжке я в школе подружился с Горшком.

Школа наша была только что построена в совершенно новом районе на Ржевке. Часть домов в микрорайоне еще достраивалась, через дорогу все еще был лес с грибами, а в уже сданные дома въехали люди, и их дети пошли в школу. Случилось так, что в шестой класс в нашу школу поступило сразу человек сто тридцать. Что до фига. И нас, недолго думая, разделили на три шестых класса: в класс «А» собрали всех отличников, и его возглавила самая социально активная и благодушная классная руководительница; в класс «Б» ссыпали всех хорошистов (тех, кто учился на четверки и пятерки) и поставили над ними самую образованную классную даму; а в класс «В» отправились остальные. Всякие троечники, двоечники, хулиганы — сорок шесть человек. Но на самом деле тут собрались самые нестандартные и нешаблонно мыслящие личности, которые не слишком вписывались в общую систему образования. Одним словом, там я встретил Горшка и Поручика.

В новую школу я поступил с третьей четверти, то есть с января. Пришел и стал искать свой класс. Расписания уроков я не знал, на дверях кабинетов табличек с названиями предметов не было. Одним словом, я понятия не имел, куда идти, и тупо обходил все три этажа школы, заглядывая во все классы подряд в надежде найти свой (что странно, потому как я не знал ни учеников, ни учителей, так что кого я пытался найти, неясно). И вот вижу я, что у одной двери стоит такой штрих в чистом школьном костюмчике, галстук и с причей, явно только что из парикмахерской. Стоит, мнется, боится зайти. Это был Поручик. Мы познакомились и зашли в класс вместе. Что и определило нашу дальнейшую судьбу. В общем, зашли мы вместе, и посадили нас тоже вместе, на «камчатку».

Тут надо еще пояснить немного про алгебру и геометрию. Не знаю зачем, но в разных районах города программа изучения математики была составлена по-разному. Например, в Невском районе (где я жил до этого) в первом полугодии проходили многочлены и иже с ними, а во втором — функции и прочую такую хрень. А тут было все наоборот. То есть когда в новом классе спрашивали уже пройденный (ими) материал, я мгновенно получал пару, а когда они начинали изучать новый материал, я уже все знал, потому что этот новый (для них) материал я учил полгода в старой школе. Иными словами, я: а) самостоятельно изучил полугодичную программу по математике для шестого (сейчас

это седьмой) класса, что было нелегко; б) во время изучения нового (для них) материала мог полгода пинать балду, потому что заранее его знал. А чтоб не сдохнуть от скуки за полгода, пока они учили то, что я и так знал, я начал писать книгу.

На переменах многие мои одноклассники стояли у окна в коридоре и читали. Тогда читать вообще было модно. А может, просто делать больше было нечего: Интернет и сотовая связь появились гораздо позже. И надо вам сказать, что у Горшка дома была нехилая библиотека редких и интересных книг. Дело в том, что его папаня работал в КГБ (это мне по секрету сказал сам Горшок), и то ли на работе по подписке, то ли еще каким мутным путем достал он где-то множество редких и прикольных книг, да и оставил ими всю гостиную. Горшок притаскивал их в школу и читал на переменах. Естественно, я у него какую-то книжку взял почитать, а он, узнав, что я сам на уроках пишу, попросил у меня мою писанину. Позже он мне как-то сказал, что его поразил сам факт того, что можно не только читать книжки, но и самому их писать. А мое юношеское воображение Горшок поразил вот чем: когда я свою толстую тетрадку получил назад, обнаружилось, что Горшок дописал почти две главы (!). После этого мы какое-то время подолгу шлялись после школы и выдумывали продолжение. И пришли к выводу, что писать интересные книжки так же интересно, как и читать, особенно писать вместе. Другой взгляд, чужая точка зрения, которую можно было критиковать, — это было что-то новое и свежее!

Одним словом, мы решили продолжать. Хотя на деле мы чаще ничего не писали, а просто обсуждали, что там дальше в книжке может произойти. Это требовало меньших сил, а сюжет развивался значительно быстрее. К тому же так нас ничего не сдерживало. Раз оно не записано, значит, всегда можно переиграть. Да и чтоб записать что-либо, нужно время. А в том возрасте у меня была масса других интересных дел. Например, играть в пятнашки в недостроенных домах. И вообще.

4. ОТ ПИСАТЕЛЬСТВА К МУЗИЦИРОВАНИЮ

Но пробил час, и в один прекрасный день после уроков встретились мы на футбольном поле с Горшком и Поручиком. И говорят они мне человеческим голосом:

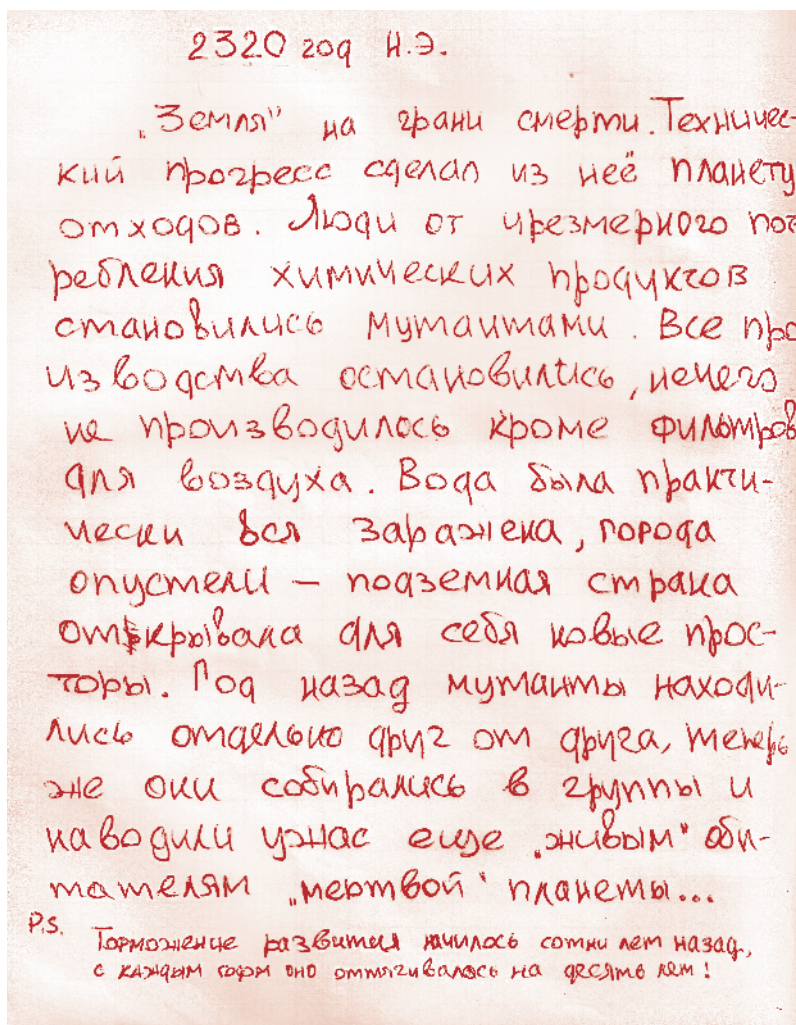
«А давай создадим вместе группу».

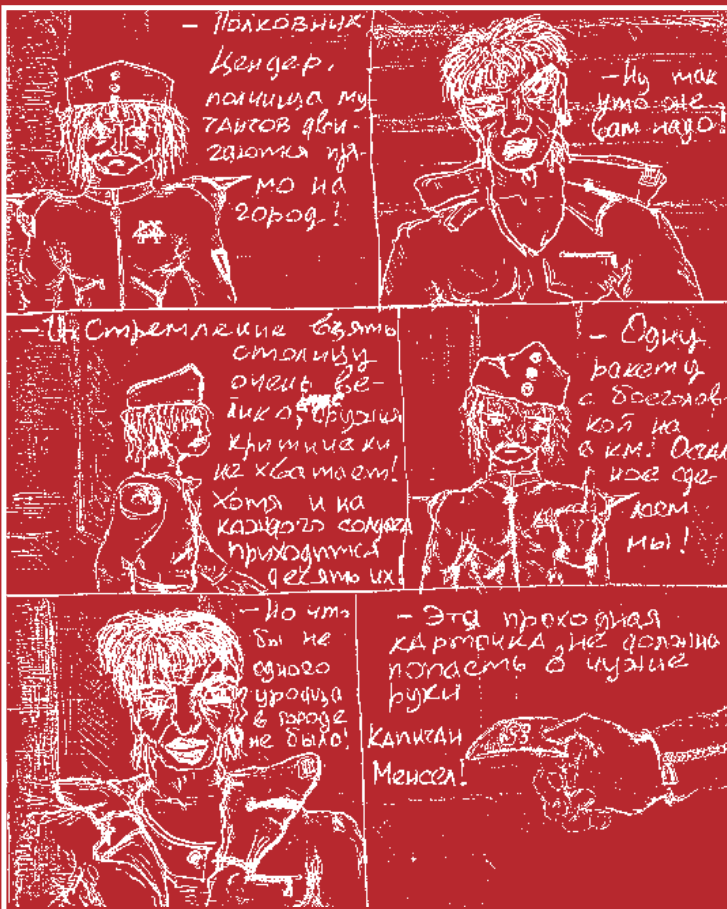
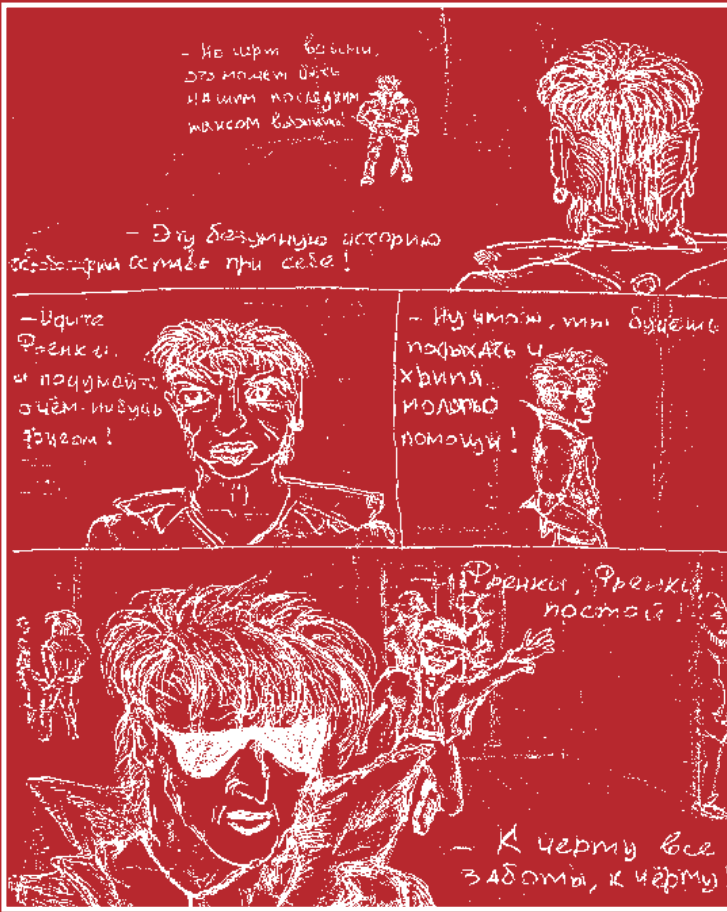
Идея мне сразу понравилась, я согласился, и мы принялись рассуждать, что будем делать и кого в группу возьмем еще. Кстати, идея понравилась многим моим одноклассникам, но вступать в группу никто так и не захотел.

Вскоре нам стало понятно, что если группа у нас будет музыкальная, то нам не хватает инструментов и умения на них играть. И вот тут случилось одно из первых чудес, которые в истории нашей группы впоследствии происходили довольно часто.

РИСУНОК М. ГОРШЕНЕВА

Горшок нашел в сорока минутах ходьбы от дома подростковый клуб. Этот клуб не относился к нашему району, но в нем была какая-никакая аппаратура, был музыкальный руководитель, и нас (о, да!) пустили туда раз или два в неделю играть. Там были барабаны, электрогитара, бас и микрофоны! Первым делом музруководитель, молодой такой и прикольный парень, спросил: «Кто умеет играть на гитаре?» Горшок поднял руку. И стал гитаристом (к нему домой уже четыре раза приходил учитель гитары). «А кто хочет научиться?» — спросил музрук. И я взял в руки бас-гитару. Так что Поручику остались барабаны.

Помню, как с самого начала учитель явил нам чудо (для нас на тот момент). Мы решили играть песню группы «Кино» «Группа крови». И вот учитель послушал песню и прямо с пленки — практически из воздуха — снял аккорды и показал, как ее играть. До этого мы слушали песни как единое полотно, а оказалось, что если прислушаться, то можно расчленить любую песню на дорожки. И услышать отдельно гитару, бас и все остальное. И после этого на слух подобрать аккорды.

Таким макаром мы изучили и с успехом играли четыре вещи:

1. *«Кино» — «Группа крови».*
2. *«Алиса» — «Красное на черном».*
3. *Твист.*
4. *Еще какая-то пьеска, не помню.*

Мы собирались каждую неделю и производили на свет эти волшебные звуки. Сами. Это было фантастическое ощущение. Опять-таки никаких планов или желаний по поводу музыки у нас не было, нам просто было хорошо, когда мы играли.

А однажды весной приходит Горшок в гости и говорит: «А давай сыграем мою песню!»

Как так? Покажи! Это была еще одна новая концепция. Оказалось, можно не только снимать чужие песни, но и придумывать свои! Это было потрясающе! Но меня смутило то, что в куплете четыре аккорда, «как у всех», и я уговорил Горшка все изменить. Правда, тогда совершенно менялись куплетная мелодия и размер стихов, но так было даже интереснее, тем более что из новой мелодии получился новый припев, и так далее. Со стихами получилось примерно то же самое, только наоборот. Поскольку на тот момент в нашей компании я был уже признанным авторитетом по стихам (мама всегда заботилась о моем литературном образовании), то и переделывать их пришлось мне. Под внимательным присмотром друга. Помню, как прямо в автобусе, по дороге на репетицию, я диктовал какие-то строчки, а Горшок записывал, а потом наоборот. И так как ехать было недолго, то к концу поездки у нас скопилось множество отдельных строчек, которые мы, придя на репетицию, попытались сложить в четверостишие. И конечно, разобрать и спеть всю песню.

И мы сделали это и даже записали эту песню на магнитофон «Беларусь», который Горшок взял у младшего брата Леша (в будущем — нашего барабанщика). Таким образом, мы в первый раз услышали из магнитофона свою (!) песню. Мы целый день ходили по друзьям и включали ее. Вставляло не столько то, что

песня, например, хорошая, а то, что она — наша! На память об эпохальном событии я оставил две наскальные записи в парадном у Анюты Сбруевой и Ксюши Пасмурновой с числом и подписью. Так мы теперь знаем, что это произошло второго марта. И мы стали считать этот день днем рождения нашей группы, которую решено было назвать «Контора». Хотя других песен у нас пока не было, да и название тоже было весьма условным. Настоящее название появилось, когда к нам присоединился Андрюха, но это уже совсем другая история...

Магнитофонная запись та через день была случайно стерта — что-то не заладилось в Лешкином магнитофоне. А еще через месяц клуб закрылся на ремонт и больше для нас не открылся.

Для той первой песни, а называлась она «Я иду к тебе домой», мы ни разу даже текст не дописали, но нас ужасно вштырила идея самим писать песни. Сейчас, спустя двадцать пять лет, когда я решил воссоздать нашу первую песню, мне пришлось использовать воспоминания о моих ощущениях того времени. И получилось, по-моему, очень убедительно и правдоподобно. А тогда... Тогда мы начали сочинять собственные песни. И больше не прекращали.

► «Я иду к тебе домой»

5. ЗНАКОМСТВО С ПОЭТОМ ИЗ КУПЧИНО, 1988–1989

Когда подростковый клуб закрылся, мы как-то не особо расстроились. Это было место, где мы играли чужие песни, а дома мы могли сочинять свои. У нас было две акустические гитары и планы на создание такого, для чего и оркестра было бы мало. Причем музыкой наши планы не ограничивались. В идеале это должен быть целый театр, живущий собственной жизнью, — мы, дав ему жизнь, должны были просто наблюдать за процессом.

Но время шло, мы закончили восьмой класс, то есть получили неполное среднее образование. У нас с Горшком было общее дело, общий секрет, и хотя мы еще не знали как с ним поступить, были полны энтузиазма.

На дворе стоял 1988 год, Горбачев все еще был Генеральным секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, и ничего интересного или перспективного в дальнейшей общественной жизни ни я, ни Горшок не видели. Всех окружающих нас людей — родителей, одноклассников — волновали такие вещи, как дальнейшая учеба, институт, хорошая работа. Всех, но не нас.

РИСУНОК М. ГОРШЕНЕВА

Я сказал маме, что хочу быть музыкантом, а все остальное интересует меня только как средство для достижения цели. Горшок придерживался того же мнения, поэтому мы всегда старались держаться вместе. После восьмого класса Поручик понемногу стал от нас отдаляться и в конце концов пошел по стопам отца-рабочего. А отец его был суров и не представлял будущее сына без приличной работы. Горшок каким-то образом поступил в нормальное художественное училище, где, по слухам, когда-то учился Цой. Там можно было пинать балду, но родители при этом считали, что ребенок при деле. И там Горшок, к счастью для нас всех, познакомился с Князем. Но об этом позже, хотя, пока не забыл, забегаю вперед, расскажу, как Горшок сдавал в училище выпускные экзамены. По причине его «примерного» поведения, «безупречной» посещаемости и «отличной» успеваемости преподаватели очень хотели от него избавиться. Поэтому на экзамене Горшку показали кисточку, шпатель и краски и спросили: «Что это?» Горшок на все три вопроса ответил правильно и получил аттестат.

Я же после восьмого класса поступать никуда не хотел и пошел по пути наименьшего сопротивления — остался в школе еще на два года — в девятом и одиннадцатом классах (десятого не было, потому что нас настигла очередная школьная реформа). Без приключений не обошлось. Дело в том, что из трех восьмых классов решили сформировать один девятый, а это значит, что от «лишних людей» нужно было избавиться. Составили специальную комиссию, и ребят либо отсеивали, либо брали с них обещание вести себя хорошо. Все, кто хотел в девятый класс, шли учиться с прицелом на институт, и им было не

до глупостей. Из парней нашего класса выбраковали всех, кроме меня. Я просто отказался забирать документы, и, как учителя ни старались, избавиться от меня им не удалось. Так я получил еще два года для занятий музыкой, хотя делал вид, что учусь в школе.

Наступил 1989 год, и его тоже можно считать годом образования группы, ибо Горшок познакомился с Князем и привел его в нашу компанию. Хотя тогда мы еще не догадывались, какое это эпохальное событие. Ведь в дальнейшем это знакомство переросло не только в творческое слияние, но и вылилось в то самое единство душ, которое встречается раз в сто лет.

Ну а пока мы сидели с гитарами, писали стихи, песни и небольшие рассказы. Ходили на все рок-концерты, на какие только могли пробраться. Шлялись по улицам в совершенно несусветной одежде и устраивали веселые и бессмысленные перформансы — лишь бы происходило что-то непохожее на все, что положено и как принято. Протест против всего и всех надежно укрепился в нашем сознании и поведении.

Как-то, гуляя по центру города, мы обнаружили, что в помещении красного уголка Ленинградского рок-клуба находится Школа ритма Игоря Голубева. Игорь Голубев был потрясающим человеком со своим пониманием музыки и ритма и собственной уникальной методикой преподавания. Позже в России я никогда ничего подобного не видел. Именно там мы почерпнули идею, что рок-музыка — это прежде всего энергетика, а не просто музыка и текст.

Там же, в красном уголке рок-клуба, прошел наш самый первый (формально второй, первый был в подростковом клубе «Петроградец») концерт. Точнее, это был этакий экзамен, где все группы показывали, чему научились. Мы сыграли «Я иду по улице» (моя), «Моросит осенний дождь, или Покойник» (Князя) и еще одну нашу совместную с Горшком песню на условно-английском. К концу выступления Горшок всех рассмешил. Из-за его экспрессии микрофон стал медленно съезжать вниз по стойке. И Горшку пришлось постепенно наклоняться за ним, так что конец песни он исполнял уже на корточках.

Так вот, возвращаясь к знакомству с Князем. Однажды Мишка рассказал, что в его училище есть прикольный пацан, пишет очень интересные вещи, которые мне обязательно нужно почитать. И дал толстую тетрадку с рисунками и стихами. Я помню, что мне понравились даже не сами стихи, а то, что в тетради были целые рассказы с картинками, из которых, так сказать, по мотивам были выведены стихи. Причем, как мне кажется, никакой концепцией это не было, просто Князь лепил все подряд. И только потом, уже в результате знакомства с Горшком, идеи Князя приняли более четкие формы.

Впрочем, я снова забегаю вперед. А сейчас нужно рассказать о нашем первом альбоме — «Ересь».

6. «ЕРЕСЬ»: ПРИГОТОВЛЕНИЯ, 1990

Идея записать альбом, наверное, родилась от желания создать что-то осязаемое, законченное. Просто играть песенки и сценки — это одно, а сделать законченный концептуальный альбом — это шишки совсем другой величины. Вечерами — редко у меня, чаще я приходил к Горшку — мы собирались и вновь открывали для себя чудеса музыки и стихоплетения. Мы же самоучки, так что каждая найденная гитарная гармония была откровением, а каждая улегшаяся в рифму строчка — чудом. Сначала один придумывает три аккорда, другой два из них убирает и ставит три своих. Потому что так лучше. Потом первый меняет их местами и так далее. То же и со стихами. Мы были очень критично к себе настроены и все время старались улучшить стихи и музыку — и свою, и тем более чужую. Собственно, так группа и зарождалась. Я напишу что-то и ползу к Горшку, чтоб он посмотрел-послушал, или он звонит: приползай, мол, ни фига у одного не выходит. Наверное, тогда мы и приучили себя, что свежий взгляд всегда полезен, да и чужое улучшать всегда приятно. И наоборот: придумал что-то — стих, музыку или просто сказку-рассказ, принес другу, а он улучшил. Иногда приходил Князь, и нас становилось трое, хотя ему из Купчино добираться не ближний свет. Но зато он рассказов и стихов приносил больше всех. Мы бесконечно сидели втроем, разбирали, что хорошо, что средне, что доделать, а на что надо придумать музыку прямо сейчас. Одну из тех песен мы записали и включили в альбом только в 2002 году. Надо сказать, Князь поразил меня, человека с врожденной грамотностью, чудовищным количеством грубейших орфографических ошибок. К его чести, он был отважным парнем с собственными представлениями о жизни и совершенно не стремался того, что окончил школу с двенадцатью двойками. Из тринадцати оценок. Впрочем, может и заливает.

Но такие мелочи, как школьные оценки, нас совершенно не волновали: мы творили и, если честно, не до конца понимали, что и как делаем и как оно все получается. Классическое музыкальное образование мы воображали себе пыткой гаммами. А тут спел с другом в два голоса — и они слились. Чудо. Гармония. Лучшая мотивация для творчества и желания идти вперед.

